

Анатолий Горбатюк

«Княжна Тараканова» и пр., или О мифах, преследовавших де Рибаса

Иосифа де Рибаса, главного основателя нашего города, всю его сознательную жизнь, да и после смерти преследовали два, скажем так, весьма навязчивых мифа.

Миф первый – об участии его в похищении и пленении так называемой «княжны Таракановой», знаменитой авантюристки, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и претендовавшей на российский престол. По заданию Екатерины с ней вошел в контакт командующий Черноморским флотом и младший брат фаворита императрицы Григория – Алексей Орлов. Прикинувшись влюбленным, он заманил ее на свое судно и арестовал. Затем Тараканова была, как писали, тайно вывезена Орловым в Петербург и помещена в Петропавловскую крепость, где вскоре скончалась от чахотки, так и не назвав своего настоящего имени.

Такова официальная версия, которой скрупулезно придерживался Алексей Орлов, и мы скоро узнаем почему. Но, как бывает в подобных случаях, проявились некоторые

Иосиф де Рибас

Елизавета Петровна

нюансы, и не ознакомить с ними читателя автор просто не имеет права.

Здесь следует рассказать более подробно о той особе, которая упорно называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, чьим отцом был сам Петр I.

Сказать, что самозванка была красива, – значит ничего не сказать, потому что она была ослепительно красива, и не было случая, чтобы мужчина, который входил в ее планы, не оказывался у ее ног. Кроме того, она была прекрасно образованна, знала несколько иностранных языков. А виртуозная игра на арфе...

Ханжи утверждали, и утверждали справедливо, что мадам слишком часто меняет партнеров. Заметим в ее слабое оправдание, что ведение светского, по самому большому счету, образа жизни требовало не только интеллектуальной, но и значительной финансовой поддержки, вот и пользо-

валась обольстительница повышенным вниманием к себе со стороны сильного якобы пола, чтобы на ее банковском счете появлялись все новые и новые свидетельства не ослабного к ней внимания.

В описываемое время (на дворе стоял 1774 год) российская эскадра, которой командовал тридцативосьмилетний Алексей Орлов, находилась в Средиземном море. Нам просто необходимо поближе познакомиться с человеком, на которого возлагалась вся ответственность за проведение будущей тайной операции. Итак, граф Алексей Орлов.

Человек несгибаемой воли и страшной физической силы, он лично лишил жизни самодержца Петра III во время дворцового переворота 1762 года, после чего получил орден Александра Невского и звание секунд-майора Преображенского полка, а также внушительное количество крепостных душ. Столь активное участие в перевороте делало Алексея Григорьевича наиболее подходящей кандидатурой для готовящейся сверхсекретной операции.

Как писали не слишком вдумчивые историки, «Орлов в этом задании проявил все мастерство обольстителя и ловеласа, изобразив пылкую влюбленность и даже предложив княжне руку и сердце. Блестяще справившись с поручением, а именно добившись ареста княжны, граф в тот же год спокойно ушел в отставку».

Да, Алексей Григорьевич был мужланом и презирал светское воспитание. Он действительно поначалу только изображал пылкую влюбленность и, обманывая сам себя, бормотал, стоя перед зеркалом: «Ты еще поваляешься у меня в ногах, вертихвостка, я вдоволь наиграюсь твоими чувствами!..». Однако Орлов после первой же встречи с авантюристкой почувствовал некий душевный дискомфорт. Он понял, что влюблен, что внезапно проснувшаяся страсть поможет, с одной стороны, выполнить поручение императрицы, но с другой... Впрочем, с другой стороны он старался не думать, предвидя, что в результате окажется между двух огней.

Вскоре, однако, лжекняжна с разочарованием почувствовала, что царившая еще вчера всеобщая благосклонность к ней начинает таинственным образом улетучиваться: ей отказывают в кредитовании один за другим несколько банкиров,

и с невероятной реальностью перед ней замаячила перспектива оказаться в долговой тюрьме. И здесь случается настоящее чудо! А как иначе назвать неожиданный визит местного банкира Дженкинга (дело происходит в Пизе), который готов выполнить поручение одного из своих безоговорочно уважаемых клиентов и выдать княжне Таракановой (обойдемся без кавычек) любой (слышите: любой!) необходимый ей кредит? И как не поверить в собственную исключительность, когда банкир называет имя человека, пришедшего к ней на помощь, которым оказывается... командующий русской эскадрой, стоявшей в это время в Ливорно (до Пизы, как говорится, рукой подать), сеньор Орлов! «Княжна» тут же собирает для Алексея Григорьевича пакет, состоявший из ряда фальшивых документов (родословная княжны, завещание императрицы Елизаветы и пр.), а также личного, очень теплого благодарственного послания Орлову. Состоявшаяся вскоре встреча буквально полыхавшего любовью Алексея Орлова и прожженной авантюристки завершилась выдающейся постельной сценой, после которой Орлов не оставляет свою возлюбленную ни на час, демонстрируя с удивительной находчивостью расточительность, свойственную, очевидно, только загулявшей русской натуре. При этом Орлов готов, по его словам, на все – вплоть до прямой измены императрице Екатерине II, чтобы встать с подвластной ему эскадрой под знамена самозванки. А поверила ли последняя этим пламенным речам Орлова? Представьте себе, поверила! Во-первых, потому что очень хотела поверить, а во-вторых, потому что убедила себя: она встретила такого же отъявленного авантюриста, каким являлась сама. Но самым главным, решающим фактором была непоколебимая вера «княжны» в свою счастливую звезду.

Влюбленная пара всюду появляется с эскортом русских офицеров, а когда они заходят в ложу городского театра, весь зал в восторге встает. Это тешит самосознание «будущей императрицы».

Наша героиня, обласканная всяческими знаками внимания и буквально засыпаемая дорожущими подарками, постепенно, шаг за шагом, теряет бдительность. Теряет настолько, что принимает предложение своего обожателя посетить флагманское судно русской эскадры, которая должна выйти в открытое море

на маневры. Вот и наступил самый главный момент тщательно продуманного головокружительного сценария: именно тогда, когда под оглушительные крики матросов «Ура!» очаровательная ножка коснулась палубы российского флагмана, тогда и захлопнулась бесшумно западня, движение из которой предусматривалось лишь в одном направлении.

Алексей Григорьевич на минуту отлучится, чтобы распорядиться по какому-то важному делу – и всё! Больше они никогда не встретятся. Ничего пока не понимающую гостью мгновенно окружают молчаливые

вооруженные люди и определяют в каюту со стражей и врачом, а судно возьмет курс на Санкт-Петербург. В каюте пленнице вручат от последнего ее возлюбленного письмо, в котором он расскажет об измене, о том, что сам находится под арестом, и просит княжну простить его за то, что их любовь подверглась этому чудовищному испытанию. Таким хитроумным образом Алексей Орлов решил выйти из игры: он не мог заставить себя встретиться еще хоть разок с жертвой, в которую был уже безнадежно влюблен.

Тут же граф Алексей Григорьевич садится за письмо к Екатерине II. В письме он очень подробно (конечно, избегая скабрёзностей) рассказывает, как вошел в доверие к самозванке, для чего сам *притворился влюбленным*, но никаких подробностей от «злодейки» так и не услышал, так что не может ничего добавить о том, кто ее продвигает, и вообще, кто она такая. А самое важное (для себя) граф пишет в конце письма: опасаясь мести сторонников самозванки, он, выполнивший задание императрицы, передает командование эскадрой одному из адмиралов, а сам отправляется в Россию по суше.

Граф Алексей Григорьевич Орлов

А судно с пленницей на борту следовало в Санкт-Петербург. Каким-то непонятным образом слух о коварном пленении «царственной особы» быстро распространился по портам Средиземноморья, из-за чего в каждом из них, куда заходило судно с пленницей, возникали стихийные демонстрации и даже слабые попытки освободить «злодейку». Вот эти-то волнения и раскрыли наконец ей глаза на все происходящее, она поняла, что была жестоко обманута и предана, но все ее попытки выброситься за борт или нанести себе тяжелые увечья пресекались командой судна и постоянно находящимся рядом врачом.

По прибытию судна в Санкт-Петербург пленница со всеми мерами предосторожности была тайно доставлена в один из рavelинов Петропавловской крепости. Вести следствие по делу государственной преступницы и самозванки императрица поручила генерал-фельдмаршалу Александру Михайловичу Голицыну, генерал-губернатору Санкт-Петербурга, особо отличившемуся в ходе Семилетней войны и войны с турками.

Повторимся: следствие будет вести непосредственно генерал-фельдмаршал, но главным, негласным следователем по делу самозванки будет сама императрица.

Александр Михайлович Голицын, опытный служака, отнесся к предстоящему следствию со всей необходимой серьезностью: шутка ли сказать – сама матушка-императрица поручает именно ему, Голицыну, это дело государевой важности! В то весеннее утро, когда Голицын впервые шагнул в камеру, где содержалась «злодейка», он предполагал увидеть перед собой...

Что бы ни предполагал увидеть доблестный служака, но то, что предстало перед его взором, чуть полностью не выбило его из колеи, которую он добросовестно создавал в своем воображении в период подготовки к следствию.

Он увидел обворожительное женское лицо, еще более украшаемое легкой доброжелательной улыбкой, а та небрежная аристократическая непосредственность, с которой заключенная раскланялась с Александром Михайловичем, красноречиво говорила о том, что эта красивейшая женщина находится в полном неведении того, что ей предстоит пережить. А генерал-фельдмаршал оказался таким же представителем хваленного сильного пола, как и десятки

прежде встречавшихся на пути знатной авантюристки, иными словами, и он был сражен красотой и манерами подследственной.

Впрочем, одна ужасная деталь буквально бросилась в глаза генералу и заставила его даже с некоторой жалостью посмотреть на сидящую перед ним женщину. Деталь эта – багровый румянец во всю щеку – был хорошо знаком ему, он часто видел такой румянец у своих солдат, и его обладатели быстро выходили из строя, не доживая не только до начала следующей операции, но и до начала очередного сражения.

«Скоротечная чахотка, – сказал себе Голицын, раскладывая бумаги на столике, – нужно торопиться: с таким диагнозом долго не прожить...»

Разочарование постигло следствие с самого начала: узница Петропавловской крепости, давая показания, демонстрировала, как казалось, самую искренность: оказывается, она сама с нетерпением ожидала начала следствия, чтобы выяснить, наконец, кто же она такая, кто ее родители. Иными словами, ее интересовали ответы на те же вопросы, что и следствие!

Говорила узница естественно, искренне, глаза не отводила. Все это не могло не отразиться в отчете первого допроса, который представил Голицын и которого с таким нетерпением ожидала Екатерина II. Последняя не могла скрыть полного разочарования.

– Ты мне, батенька мой, не протокол допроса государевой преступницы предоставил, а какое-то водевильное сказание. Еще раз тебе говорю: допрашивай преступницу со всей строгостью! Не поможет – введи ограничения на первых порах в содержании. И это не поможет – усиль меры воздействия.

К следующему допросу ввели ограничения в содержание заключенной: сократили по времени прогулки по тюремному двору, убрали камеристку. Потом сняли с довольствия в офицерской столовой и стали кормить грубой солдатской пищей – никакого результата, заключенная будто и не ощущала каких-то мер воздействия.

Александр Михайлович понимал, что так долго продолжаться не может, что у императрицы вот-вот лопнет терпение, и последует приказ применить меры чрезвычайные! А вот этого – применения чрезвычайных мер при допросе – боевой генерал боялся более всего, потому что и на миг не мог себе представить, что этого

нежного прекрасного тела коснется отвратительная рука палача, а как работают палачи Петропавловской крепости, Александр Михайлович знал отлично: и не у таких, как это очаровательное существо, мгновенно развязывался язык, да бывало уже поздно, хрупкие человеческие кости подобных нагрузок не выдерживали.

А пока следствие идет своим чередом, и через некоторое время на допросе подследственная неожиданно всплеснет руками и очень искренне произнесет:

– Да если бы я замышляла что-то против императрицы, разве б я позволила себе взойти на судно?!

Тогда же она «вспоминает», как однажды в Пизе к ней подошла незнакомка, чье лицо скрывала густая вуаль, и передала ей пакет, в котором находились «завещание» императрицы Елизаветы Петровны, прочие «документы», а также запечатанное письмо, адресованное Алексею Орлову.

– И я подумала, – в задумчивости произнесла она, – может быть, это и есть мой счастливый случай – узнать у такого знатного человека, каковым является Орлов, кто же я все-таки такая.

Как видим, следствие упирается в глухую стену, и генерал-фельдмаршал с ужасом ждет приказа о применении чрезвычайных мер воздействия на узницу. А тут – новое обстоятельство: заключенная настоятельно требует встречи с самой... императрицей, мол, она хочет сообщить нечто чрезвычайно важное.

Услышав о наглом требовании этой «авантюреллы», вместо того чтобы воспользоваться возможностью получить какие-нибудь новые сведения, Екатерина II устраивает Голицыну страшный скандал:

– Распустили вы, батенька, эту побродяжку до крайности! Ишь чего надумала – императрицу ей подавай для беседы...

И от встречи со лжекняжной отказывается категорически. Более того, совершенно неожиданно предлагает Александру Михайловичу сделать «побродяжке» предложение, от которого та не сможет отказаться: если авантюристка напишет признание в самозванстве, она будет немедленно освобождена!

Голицын ушам своим не верит: когда уже, казалось бы, дыбы не избежать, императрица проявляет вдруг такую неожиданную, совершенно не свойственную ей мягкость! Едва дождавшись

утра, он направляется на очередной допрос, делает известное нам предложение, причем подчеркивает (так хотела императрица), что предложение исходит не от Екатерины, а от него, генерал-фельдмаршала Голицына.

Сделаем небольшую паузу и сосредоточимся, чтобы не упасть со стула, на котором сидим: «авантюрелла», эта жалкая «побродяжка», не моргнув глазом, отказывается принять предложение! Очевидно, она очень хорошо понимает, сколько ей остается еще прожить, и решает поменять предложенную ей свободу на свидание с императрицей, на котором она продолжает настаивать...

Совершенно опустошенный, растерянный Голицын срочно составляет отчет о последнем допросе, ожидая самого худшего, как вдруг получает беспрецедентное указание императрицы: следствие прекратить, заключенную более не беспокоить.

Совершенно очевидно, что старый служака, как и мы, идущие сегодня по следам дознания, ничего не понимает, но с внутренней радостью воспринимает решение Екатерины.

Проходит некоторое время, и Александр Михайлович докладывает императрице, что самозванка совсем плоха, и просит прислать к ней священника. «Священника или пастора?» – переспросит Екатерина и услышит в ответ: «Священника!». У императрицы поднимается настроение: появляется новый шанс, хоть и призрачный, что-то выведать у интриганки, а потому она лично занимается кандидатурой священника и через какое-то время останавливается на отце Петре Андрееве. Прежде чем запустить его в камеру, где содержится лжекняжна, его инструктирует лично императрица. Более того, он подписывает обязательство «под страхом потери живота» нигде и никогда не разгласить эту страшную тайну, а все сказанное умирающей исправно запротokolировать и доложить императрице. Отец Петр дважды посетит пленницу, но, как и следовало ожидать, ничего нового та не сказала, и немудрено: разве же она не понимала, что принимавший у нее покаяние есть не кто иной, как последний следователь по ее делу... Невольница продолжала утверждать, что не знает своих родителей. Единственное, в чем покаялась, это то, что жила она в духовной нечистоте и имела большое количество любовных связей, за что просила у Создателя прощения.

Как отмечал отец Петр, на второй день он уже почти не слышал совершенно ослабшего голоса покаявшейся. На следующий день ее не стало. Ночью, не зажигая огня, тело интриганки было предано земле в Петропавловской крепости без всяких следов захоронения, даже могильный холмик не оставили.

А что же главный исполнитель царской интриги – граф Алексей Григорьевич? К всеобщему изумлению, граф уходит в полную отставку, и никакие политические события его больше не коснутся. Он въедет в свой великолепный дворец в Москве и оттуда будет предаваться истинно русским забавам – наблюдением за бегом рысаков, кулачными боями, в которых сам примет активное участие. Рассказывали очевидцы, что, когда мощная фигура графа ввинчивалась в толпу, народ в ужасе разбежался, потому что знал нечеловеческую силу Алексея Григорьевича. А еще граф страстно любил голубей, и в Москве еще долгое время после смерти графа содержались его богатые голубятни.

Вот этими развлечениями, а также запойными пирами пытался заглушить граф Орлов буквально звериную свою тоску по плененной им лжекняжне.

А что же императрица Екатерина II, сумела ли она побороть в себе так долго не отпускавшую ее тревогу, связанную с так и не раскрытой тайной, которую унесла с собой самозванка? А вот судите сами.

Когда прошло какое-то время с момента описываемых событий, граф Алексей Григорьевич Орлов решил однажды выбраться в Санкт-Петербург и даже попросил аудиенции у императрицы. Екатерина с радостью согласилась принять графа и встретила его как близко-

«Княжна Тараканова». Художник К. Флавицкий

го ей человека. А граф, в свою очередь, почувствовал такую теплоту в отношениях к нему государыни, что даже осмелился спросить, что удалось той выведать у самозванки. Он даже не успел закончить вопрос, потому что был остановлен изумленным взглядом собеседницы, в котором явственно читалось: «Ты это о чем?». Читалось так явственно, что Алексей Григорьевич, пробормотав: «Неужели запомновала, матушка?» – быстренько перевел разговор на другую тему.

«Ну и при чем здесь де Рибас?» – вправе спросить наш терпеливый читатель. Но мы и сами понимаем, что настало время поведать читателю о том, как недостойные недоброжелатели связали историю пленения самозванки с именем нашего главного основателя. Был пущен слух, что де Рибас был одним из активнейших участников событий на флагмане российской эскадры в Средиземном море, что он якобы был организатором фейковой свадьбы графа со лжекнягиней, где выступил в качестве посаженного отца.

Однако де Рибас никак не мог принять участия в этом похищении! Операция по аресту и вывозу «княжны» в Россию началась в мае 1774 года и закончилась ровно через год, когда эскадра, на борту одного из судов которой находилась плененная авантюристка, прибыла в Санкт-Петербург. Де Рибас же в этот период сражался под Козлинцем и у Ени-Базара, после чего была служба в Петербурге, в Шляхетском корпусе. Кроме того, в отчете Екатерине о выполненной операции по похищению Алексей Орлов подробно перечисляет действия каждого из ее участников, и имя де Рибаса здесь вообще не упоминается – это ли не достаточное доказательство его неучастия в захвате самозванки?

Но это не все. Такое серьезное научное издание, как знаменитый «Русский биографический словарь», вышедший в конце XIX столетия, подробнейшим образом излагая биографию де Рибаса, также ни слова не говорит о его участии в обсуждаемом событии. Теперь достаточно доказательств? Но и это не все. Если читатель обратится к труду польского историка К. Валишевского «Вокруг трона» (издательство «Сфинкс», Москва, 1911), он обнаружит там детальное

изложение всех событий, связанных с «княжной», и – опять же – ни слова о де Рибасе! Теперь, кажется, доказательств недостаточно.

Но и это тоже еще не все! Интересен неординарный взгляд на те давние события лица, так сказать, «заинтересованного» – автора фундаментального изыскания «Род де Рибас и Сабир» Сергея Сергеевича Положенского: «Доказательства заставляют нас не без сожаления склониться к принятию версии о неучастии Рибаса (в пленении Таракановой. – А. Г.). Не без сожаления – потому что мы решительно не находим ничего низкого и предосудительного в поведении де Рибаса в случае его участия, а наоборот, гордились бы предком, совершившим такое дело: осуществление честолюбивых планов Таракановой потрясло бы государство не меньше, чем смута начала XVII века... Очень жаль, что приходится это дело из его биографии исключить».

В середине 1990-х вашему автору посчастливилось познакомиться с потомками Иосифа Иосифовича Сабира, внебрачного сына де Рибаса, которого родила Екатерина II, оказавшимися в Одессе перед отъездом на ПМЖ в Израиль. Они подарили мне копию рукописи С.С. Положенского, с которым состояли... в родственных отношениях! А Сергей Сергеевич служил помощником настоятеля кафедрального Воскресенского собора в Берлине и скончался в возрасте 94 лет в мае 1992 года в Берлине.

Странно все-таки, что на фальшивку об участии де Рибаса в пленении лжекняжны клюнули некоторые писатели, среди которых были и достаточно известные, например Г.П. Данилевский, позволивший себе описать де Рибаса самым недостойным образом. Оставим это на их совести.

Миф второй. Иосиф де Рибас – мздоимец и вор, неоднократно запускавший алчные руки в казну. Более всех распространяется на эту тему граф Растопчин. Вот что он говорит, выступая в Сенате: «Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли апогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500.000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта...

в Хаджибее, прозванном Одессой». Ваш покорный слуга (он же – автор данного очерка) с некоторым опозданием (как легко догадаться, не по его вине) выступил с репликой по поводу приведенного скандального выступления графа Раstopчина: «Это говорилось в июле 1796 года. Но, как уже упоминалось, в 1794 году на строительство порта было потрачено менее 40 тыс. рублей, в 1795 году – около 88 тыс. рублей, то есть всего около 128 тыс. рублей. Может быть, кто-нибудь подскажет, как из 128 тысяч можно украсть 500, а «на остальные» еще и построить кое-что?». Реплика и сегодня, считаю, звучит вполне убедительно. Жаль только, что выступивший с поклепом граф не смог ее прочитать.

Екатерина Великая

